

6 марта пользователь Facebook №4 Марк Цукерберг разместил в своей ленте стратегическую дорожную карту под названием «Социальные сети, ориентированные на приватность». Сознание соотечественников, конспирологически обостренное мартовским законотворческим загнобом интернета, запульсировало триумфальной надеждой: «Вот он! Вот он, ответственный за свободного мира Роскомнадзору».

Где связь? Ну как же: 17 декабря 2018 года Роскомнадзор потребовал у Facebook представить информацию по локализации баз данных российских пользователей на территории России. Facebook требования не заметил, и тогда 21 января 2019 года Роскомнадзор инициировал административное производство против Facebook и Twitter за нарушение закона о персональных данных.

И вот теперь, когда Facebook засветило страшное — 5 тысяч рублей штрафа, у Цукерберга сдали нервы, и он разорился удивительным текстом. Если реакция соотечественников напомнила рассказ Чехова «Радость» (это там, где пьяный Митя Кулдаров сначала попал под лошадь, а потом в газету), то программное выступление Цукерберга уже заставило терять глаза от дежавю: ни дать ни взять отчетный доклад генсека съезду родной партии.

Дело, однако, в том, что претензии на хранение «чувствительной информации» в Евросоюзе (согласно тому же «Общему регламенту») предъявляют сегодня ничуть не меньше, чем в Иране, России, Турции, Саудовской Аравии, Таиланде, Индии или Китае. Соотечественникам, стенающим из-за штрафа в 30–100 тысяч рублей, которым думчане наградили 7 марта сетевые СМИ за отказ немедленно удалять фейковые и «разжигающие» новости, рекомендую присмотреться к принятому еще в январе 2018 года немецкому закону под красивым названием Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG, Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях). Этот законодательный перл бундестага за отказ контор вроде Facebook, Youtube, Yahoo и т.п. (планка попадания под действие NetzDG — посещаемость выше 2 млн) удалять в течение 24 часов «незаконный» контент и посты, содержащие не то что призыва, а просто информацию о «ненависти», налагает штраф от 5 млн (минимум!) до 50 млн евро (в случае «особой тяжести»).

А вы говорите Роскомнадзор. Не замечать глобальности этой общемировой тенденции, в которую репрессивно-законодательные инициативы российской Думы вписываются полностью, — значит поворачиваться ради сомнительных принципов спиной к реальности.

У меня нет сомнений, что программный текст Марка Цукерберга — это реакция именно на коалиционное наступление государства на волынику виртуального пространства. Не оправдывая поведение государства, болезненно переживающих свое неизбежное историческое вырождение, хочу лишь обратить внимание на то обстоятельство, что последние 20 лет в т.н. «цифровой вольнице» никакой свободой даже не пахло. Более манипулятивной, тоталитарной и неэтичной среды, чем интернет эпохи «пузырей фильтров», социальных сетей и тотального контроля со стороны поисковых машин, представить себе невозможно.

Подобное видение ситуации возникает, разумеется, только после того, как мы отбросим красивые лозунги времен романтического кибернархизма и оценим суть явления, а не его видимость. Программная речь Марка Цукерберга эту суть прекрасно иллюстрирует.

Хозяин Facebook полагает, что основным вектором развития современного интернета и социальных сетей станет

<<Цифровой гангстер>> играет против всех, или Знает ли Марк Цукерберг, что такое Роскомнадзор

Сергей КОНЬКОВ / TASS

повышение приватности (privacy). 15 лет Facebook и Instagram объединяли людей, предоставляя им открытую для свободного общения площадку (метафора Цукерберга: «цифровой аналог городской площади»). Люди, однако, истосковались по приватности, поэтому настало время предоставить им такую возможность и позволить общаться в «интимном пространстве дома».

Превращение Facebook в «интимное пространство», в котором нетизены смогут общаться, не опасаясь, что их будут подслушивать и при оказии шантажировать государственные органы и коммерческие структуры, Марк Цукерберг видит в следующих направлениях:

- создание площадок для конфиденциального общения, то есть — мест для чата (Private interactions);

- сквозное шифрование, исключающее возможность перлюстрации со стороны третьих лиц, будь то государства или корпорации (End-to-end encryption);

- сокращение срока жизни акта коммуникации, то есть уничтожение сообщений, постов и реплик по истечении заданного либо желаемого времени, для того чтобы пользователей потом не могли шантажировать какими-то давними высказываниями (Reducing Permanence);

- безопасность среды общения, которая обеспечивается опять-таки криптозащитой (Safety);

- кроссплатформенность, позволяющая пользователям различных социальных сетей и мессенджеров общаться напрямую друг с другом (Interoperability);

- отказ от хранения данных в ненадежных государственных юрисдикциях, то есть в «странах с сомнительными успехами в вопросах соблюдения прав человека» (Secure data storage).

Обозначив приоритеты, Марк Цукерберг затем долго и нудно перефра-

«
Оказывается, в мире много не только хороших, но и плохих людей, которые станут использовать шифрование»

зирует ранее сказанное. Трагикомичность программы не в том, что она бесконечно банальна, а в том, что Цукерберг рассуждает о вещах, давно на рынке реализованных. Причем не только в сторонних сервисах, но и в рамках собственной его корпорации. Скажем, стержень всей этой мнимой революции — «сквозное шифрование», которое Цукерберг грозит распространить на штатный для Facebook мессенджер, — давно реализован в Whatsup, который Facebook купил в 2014 году за 19 млрд долларов.

Сокращение срока жизни коммуникационного акта, якобы повышающее уверенность пользователей в своей безопасности (безнаказанности?), а потому подталкивающее их к особым формам откровения, давно ограничено 24 часами в модуле Facebook Stories.

Единственная новаторская идея программы — это кроссплатформенность коммуникации, однако она настолько противоречит принципам и практике корпоративной конкуренции в мире информационных технологий, что воспринимается не иначе как утопия.

Цукерберг не делает тайны из того, что все заявленные им инициативы давно известны и успешно реализованы на рынке,

однако педалирует идею, что, мол, настало время для универсального применения технологий приватного общения в масштабе всей социальной сети. Замах этот, увы, — еще большая утопия.

Понятно же, что шифрование целиком ленты Facebook будет означать конец Facebook как социальной сети. Вместо этого мы получим конспиративную сеть на миллиард пользователей, которая развалится на второй день, потому что никому не хочется постить котиков ради лайков узкого круга единомышленников несущей стоящей борьбы.

Получается, что вся патетическая риторика о революционном превращении Facebook из городской площади в кондоминиум сводится к банальному сквозному шифрованию штатного мессенджера! То есть — перенесению на чат Facebook функционала, реализованного в Whatsup, Telegram, Signal и еще дюжине популярных сторонних сервисов.

Но и это еще не все. Цукерберг делает удивительное для себя открытие: оказывается, в мире много не только хороших, но и плохих людей, которые станут использовать сквозное шифрование в мессенджере Facebook для совершения мерзких пакостей против ближнего круга и остального человечества. А раз так, то руководству компании придется проделать титаническую работу для достижения баланса между соблюдением интересов «хороших» пользователей (ради которых вся эта программа якобы и затевается) и тесным сотрудничеством с государственными органами, которые мешают «плохим» пользователям заниматься мерзкими пакостями.

Ну то есть вы поняли: здравствуй ФСБ, Роскомнадзор и Telegram. Дуров в свое время заявлял, что при сквозном шифровании у Telegram нет возможности передавать российской власти какие-либо ключи. Цукерберг, однако, задумался. Наверное, потому, что честнее Дурова и не делает тайн из атак «человека посередине», уязвимости конечных точек и возможности внедрения программных бэкдоров, превращающих сквозное шифрование в дырявое решето.

Такой вот разочаровывающий дискурс вышел у руководителя крупнейшей социальной сети планеты. Нам остается ответить на вопрос: зачем Цукербергу понадобился этот спектакль? Полагаю, на эмоциональном уровне он испытывал потребность в каком-то, пусть своеобразном, но все же покаянии.

После того как в Лондоне Цукерберга прямым текстом назвали «гонорливым корпоративным элитистом», «трусом» и «цифровым гангстером» (устами Тома Уотсона, вице-председателя партии лейбористов), не говоря уже о самом расследовании гешефтов, которыми годами занимался (и продолжает заниматься) Facebook, самореабилитация оказалась неизбежной.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ —
специально для «Новой»